

ПУТЬ НА ЗАПАД, ПУТЬ НА ВОСТОК: «ИНОЕ» В УТОПИЯХ ОЛДОСА ХАКСЛИ

«Дивный Новый Мир» Хаксли рассматривается как антиамериканский роман, травестирующий две культуры США – радикально урбанистическую и радикально природную. Две системы образности, созданные писателем в этом романе, соответствуют, с одной стороны, поэзии Маяковского, воспевающей мегаполис будущего, с другой – текстам Д. Г. Лоуренса об индейцах. Естественность индейской жизни, очевидно, не представлялась Хаксли привлекательной. В поздней утопии «Остров» Хаксли предложил привлекательный, хотя и довольно обманчивый образ естественного, ибо при более пристальном рассмотрении культура Палы оказывается комбинированным продуктом Востока и Запада.

I. Golovacheva

WAY TO THE WEST, WAY TO THE EAST:
“OTHERNESS” IN ALDOUS HUXLEY’S UTOPIAS

Aldous Huxley’s “Brave New World” is considered as an anti-American novel written as a parody of the two cultures of the USA, i. e. that of its radical urbanism and its radical naturalness. Creating the two aesthetics, the writer had in mind V. Mayakovsky’s futuristic urban poetry, on the one hand, and D. H. Lawrence’s texts about the Indians, on the other hand. Apparently, unlike Lawrence, Huxley did not see the naturalness of American wilderness as a positive alternative to excessive urbanisation. In his later utopia “Island” he offered a rather attractive but misleading image of natural life. A closer look at it reveals that Pala’s naturalness is an amalgam of the Western and the Oriental.

Роман Олдоса Хаксли (1894–1963) «Дивный Новый Мир» (1932), как известно, выставляет на суд читателя две культуры жизнестроительства — «цивилизovanную», урбанистическую и «естественную», природную. Последняя представлена в романе как экзотическая. Ее нарочитая инаковость противостоит избыточному, выхолощенному урбанизму футуристического Лондона. Две культуры соответствуют двум эстетикам, описанным Хаксли в эссе 1931 г. «Новый романтизм» (*The New Romanticism*), впоследствии вошедшем в сборник «Музыка ночью» (*Music at Night*, 1931).

Исследователи, обнаруживающие многочисленные источники идей и образности этой «негативной утопии» (термин Хаксли), почему-то не усматривают связь между эссе и романом. А между тем «Новый романтизм» содержит не только остроумнейшую критику всего того, что писатель считал псевдосовременным в искусстве. Эссе дает нам ключ к ответу на следующий вопрос: *что Хаксли полагал предпочтительным в конструируемом утопическом мире — радикальную цивилизованность или радикальную естественность?*

Ответ очевиден: ни то, ни другое — по крайней мере, в том виде, в каком они были явлены в искусстве и литературе первой трети XX в.

Хаксли говорит в эссе о двух видах романтизма. *Первый* преувеличивает значимость индивидуального и естественного. К представителям этого вида он причисляет не только классических романтиков, но и Руссо, которого справедливо считал ответственным за концепцию естественного человека.

Второй тип романтизма Хаксли называет «новым». Писатель критикует его за то, что он преувеличивает значение материального, технического и социального. К «новым романтикам» Хаксли причисляет кубистов, супрематистов, конструктивистов и поэтов различных авангардистских направлений. Очевидно, что он полагает и тот и другой «романтизм» неудовлетворительными: оба искажают правду о человеке и человечестве.

Травестируя второй, «новый», романтизм в «Дивном Новом Мире», Хаксли ориентировался не только на то, что он сам увидел в крупнейших мегаполисах Запада. Для подтверждения своих тезисов он выбрал поэзию Маяковского в качестве самого яркого примера поэтизации урбанистической цивилизации. Быть может, городские образы, созданные русским поэтом, помогли Хаксли добиться особой экспрессии, когда он создавал завораживающий урбанистический пейзаж Лондона 632 г. эры Форда. Хаксли приводит в «Новом романтизме» перевод отрывка из поэмы «150 000 000», где Маяковский описывает Чикаго — «Город... на одном винте, весь электро-динамо-механический».

Chicago: City
Built upon a screw!
Electro-dynamo-mechanical city!
Spiral-shaped —
On a steel disk —
At every stroke of the hour
Turning itself round!
Five thousand sky-scraper —
Granite suns!
The Squares —

Mile-high, they gallop to heaven,
Crawling with millions of men,
Woven of steel hawsers,
Flying Broadways¹.

Хаксли, впрочем, мог опираться и на собственные впечатления о Чикаго. В 1926 г. супруги Хаксли совершили кругосветное путешествие. Побывав в Индии и Юго-Восточной Азии, они прибыли в Соединенные Штаты. Остановившись, где останавливались в Лос-Анджелесе, Сан-Франциско, Нью-Йорке и Чикаго.

Перед читателем «Дивного Нового Мира», по существу, предстает не футуристическая конструкция урбанистического мира Запада, а модернизованная Олдосом Хаксли Америка, ультрасовременная страна, в которой мегаполисы сосуществуют с резервациями дикарей². Написав свою первую утопию, писатель оказался в ряду наиболее остроумных и прозорливых критиков не только Проекта Просвещения в целом, но и конкретно Америки. Его роман — отражение увлечений, страхов и устремлений, характерных для США конца 1920-х гг. Хаксли рассматривает американскую цивилизацию через призму Американской Мечты и других американских культурных стереотипов, подвергнутых испытанию жестокой реальностью Великой депрессии. Новомирское общество представляет собой реализованную мечту американцев о создании нового государства, населенного совершенно новыми Адамами Американского Мифа. Вечная, самообновляемая техническим прогрессом современность, комфорт, всеобщность и массовость — таковы константы Нового Мира. Но разве они не соответствовали исторически сложившимся к 1920-м гг. идеалам американцев? В таком случае представляется вполне обоснованной следующая точка зрения на «Дивный Новый Мир»: **это не столько фантазия о будущем, сколько критика современности, в частности, той, что представлена Америкой.** «Утопизируя» американскую реальность, Хаксли использовал метод научного прогнозирования и применил законы истории.

Именно его американское путешествие по крупным городам Соединенных Штатов вселило в Хаксли пессимизм. Он также поддался страхам, весьма распространенным тогда среди европейских интеллектуалов — страхам перед грядущей американизацией Европы, а в дальнейшем и всего мира. Заметим, однако, что хотя писатель и насмеялся над американской мегаломанией, массовыми увеселениями и пр., он получил в Америке немало удовольствия от темпа жизни и зрелищ.

Но вернемся к двум типам романтизма, обозначенным в эссе Хаксли. Травестируя *первый вид романтизма с его культом естественного*, Хаксли решил изобразить в «Дивном Новом Мире» индейское поселение. Что он мог знать о жизни индейцев?

Во время американского путешествия Олдос и Мария вполне могли бы заехать в Нью-Мексико, чтобы посмотреть на уникальные индейские резервации навахо и, быть может, посетить Таос, неподалеку от которого находилось ранчо их друга Д. Г. Лоуренса. Интерес Олдоса Хаксли к первозданной Америке мог быть вызван тем обстоятельством, что Лоуренс незадолго до собственного отъезда в Америку взял с неосмотрительного Хаксли обещание присоединиться к нему, чтобы начать новую жизнь, основав в Штатах утопическую коммуну. Однако еще до прибытия супругов Хаксли в Соединенные Штаты в 1926 г. тяжело больной Лоуренс был вынужден перебраться обратно в Европу. Вероятно, это обстоятельство и тот факт, что самого Хаксли волновали не столько природа и коренное население Северной Америки, сколько ее цивилизация (бурная жизнь мегаполисов), объясняют решение писателя отправиться в Нью-Йорк, минуя Нью-Мексико.

Спустя пару лет, задумываясь о том, что именно следует противопоставить урбанистической романтике в «Дивном Новом Мире», Хаксли избрал не просто некую неконкретизированную или вымышленную индейскую резервацию, но реальное поселение пуэбло близ городка Таос. Воз-

можно, этот выбор был продиктован впечатлением от писем Лоуренса, восторженно отзывавшегося о «нетронутой, вечной и нерушимой чистоте этой территории, которая не должна достаться нам, ужасным белым людям с нашими машинами»³. Поскольку Хаксли теперь требовались подробности, а он не мог опираться на собственные впечатления, ему пришлось также воспользоваться этнографическими материалами из коллекции института Smithsonian.

Итак, «новой романтике» цивилизованности, урбанистической эстетике Нового мира Хаксли противопоставил эстетику естественности. Но, иронизируя над придуманной им самой альтернативой, изобразил не облагороженную естественность, а максимально грубую этнографическую экзотику. Описание жизни пуэбло, очевидно, призваны вызывать отвращение. Трупы животных, голодные псы, подбирающие объедки, ядовито-алкогольное дыхание жителей, накачаных мескалем или пейотлем, вонь и грязь, запахи немывтых тел, подгоревшего жира, нестиранной одежды. Хаксли подробно описывает кровавый и бессмысленный ритуал со змеями и бичеванием. Змеи выписаны в отвратительных подробностях. Ритуал начисто лишен флера таинственности. Экзотическое «чужое» в этом романе оказывается слишком человеческим. Такого рода «чужое» не получает преимущество в состязании со «своим» — технократично-спортивно-увеселительным.

Что до фигуры Джона Дикаря, знатока Шекспира, мазохиста и истерика, страдающего от Эдипова комплекса, то по причине своей искусственности эта фигура несколько не сглаживает резкий контраст между максимально отодвинутыми друг от друга «своим» и «чужим», «цивилизованным» и «диким».

***

Тридцать лет спустя Хаксли написал второй роман об экзотической стране — «Остров». На сей раз он обратил свой взор на Восток, поместив совершенное государ-

ство Пала на остров в Индийском океане, населенный потомками буддийских колонистов с материка.

Как в первой, так и во второй утопии экзотическая природа при всей ее пышности и красоте предстает враждебной или в лучшем случае безразличной к человеку. Хаксли рисует пейзажи с опасными пропастями, ущельями, отвесными скалами. В первой утопии Линда, мать Джона Дикаря, рассказывает, что во время экскурсии в горах она сорвалась, упала и поранила голову. Ее любовник, Директор Инкубатория, отец Джона, тоже ушиб колено в тамошних горах и «вконец охромел».

В начале «Острова» Уилл Фарнеби, словно повторяя путь героев предыдущей утопии, карабкается по отвесному склону на плато, наткнулся на множество змей, сорвался, упал, сломал ногу и, преодолевая ужас, отвращение и боль, был вынужден повторить опасный подъем. На утро местные жители не только оказали ему первую помощь, но и начали лечить не столько от культурного шока, сколько от «природного». Как видим, не только змеи «переползли» из одного романа в другой. В обоих произведениях белый человек «обезножил» при первом же соприкосновении с природой.

Впрочем, этим и ограничивается сходство между двумя описаниями белого человека на фоне экзотической страны.

Надо заметить, что во время первого путешествия по странам Востока Хаксли не испытал особых восторгов от восточного колорита и восточной мудрости. Более того, он заявил, что «индийская духовность — главнейшее проклятие Индии и всех ее невзгод»⁴. Также он признался, что эмпирические изыскания нескольких месяцев, проведенных на Востоке, убедили его в том, что «вся эта восточная болтовня о Свете — полная чепуха»⁵.

Но за тридцать лет, разделявших «Дивный Новый Мир» и «Остров», писатель проделал длинный путь, в итоге приведший его к пониманию мудрости Востока. Большинство из критиков Хаксли уверено в том, что его представления о сознании

сформировались преимущественно под воздействием восточной философии с ее специфическими психологическими концепциями. В самом деле, многие западные интеллектуалы, а не один лишь Хаксли, под влиянием древней мудрости Востока примерно к 1950-м гг. пришли к мысли о том, что спасение человечества осуществится скорее индивидуально, нежели коллективно. Точнее, оно может быть результатом спасения, «просветления» каждой отдельной личности, а не итогом воздействия на массы. В XX столетии западная философия, подобно восточным учениям, утвердилась в представлении о цивилизации и культуре как о результате утраты всеобщности, глобальности творения, единства мира, полноценности каждой жизни.

Литературоведы достаточно подробно осветили влияние философии и практики дзен-буддизма и тантризма на замысел и исполнение «Острова». Известен и примерный список тех восточных или восточковедческих текстов, что оказали самое большое влияние на писателя⁶. Впрочем, ориенталистское влияние в «Острове» благодаря многочисленным численными упоминаниями восточных религиозно-философских учений в тексте. Вместе с тем, как это ни странно, остается в тени то, что счастливые обитатели Палы стали таковыми не столько под влиянием восточной мудрости, сколько под воздействием достижений новейшей западной психотерапии.

В сознании Олдоса Хаксли, как и в представлениях его друзей Джеральда Херда и Кристофера Ишервуда, восточная точка зрения стала во многом определяющей. Поворот к Востоку осуществился в том числе и в результате перемены во взглядах некоторых знаменитых западных психологов, таких как К. Г. Юнг, который, по существу, был первопроходцем на этом пути. За Юнгом последовали Эрих Фромм, Тимоти Лири, Гордон Алперт, Алан Уоттс и многие другие.

Еще в «Секрете золотого цветка» (1931) Юнг говорил, что знакомство с духовностью Востока означает для нас лишь «сим-

волическое выражение того факта, что мы вступаем в контакт с тем странным, что есть в нас самих»⁷. В книге «Йога и Запад» (1936) Юнг обращает внимание читателя на то, что «индеец никогда не забывает ни о теле, ни об уме, тогда как европеец всегда забывает то одно, то другое <...>. Европеец <...> располагает наукой о природе и удивительно мало знает о собственной сущности, о своей внутренней природе»⁸.

Для наших рассуждений, однако, важно другое: Юнг советует обратиться не столько к восточной мудрости, сколько к собственной душе, заново открывая в себе естественного человека. Юнг предупреждает об опасностях, подстерегающих тех, кто стремится бездумно привить восточную мудрость на Западе, ибо всякий, кто преуменьшает достоинства западной науки, недооценивает достоинства западного сознания. Именно потому психолог не советует заниматься йогой, ибо европеец «не так устроен и не так мыслит». Вместе с тем он рекомендует изучать ее, выражая надежду, что со временем Запад изобретет «собственную йогу», опираясь при этом на христианство. Олдос Хаксли, подобно Юнгу, чье мнение он ставил очень высоко, и вслед за своим приятелем Аланом Уоттсом, был убежден, что лишь трансформированная и адаптированная для западных людей йога сможет способствовать их личностному развитию⁹.

В «Острове» паланезийцы описаны с симпатией не только потому, что они исповедуют наиболее симпатичную, с точки зрения Хаксли, религию — махаяна-буддизм, но и потому, что прекрасно образованы. Важно и то, что каждый паланезиец, даже подросток, в какой-то степени знаком с принципами психотерапии. Островитяне лечат пришельца из Британии от психотравмы и невроза. Главный акцент сделан на снижение уровня тревожности. Хаксли было известно, что восточная психологическая традиция считает именно *тревожность* центральной психической проблемой. Читая переводы древних текстов и современные книги, описывающие даос-

ские, дзенские и тантрические упражнения, направленные на концентрацию и расслабление, он определил для себя два основных способа преодоления тревожности. Первый — труднодостижимый, но желательный — это мгновенный *инсайт*, озарение, спонтанное осознание, сатори, к которому можно прийти в результате медитаций, направленных на познание и созерцание своей истинной природы и собственных скрытых возможностей. О скорейшем наступлении инсайта можно лишь мечтать. В большинстве случаев подобного молниеносного просветления добиваются годами, культивируя в своем успокоенном и смиренном сознании ясное представление о человеческой природе и скрытых в ней возможностях, а также тренируя тело и его связь с сознанием специальными методами. Второе действенное средство от тревожности — практика *недеяния* и *безмолвия* (состояния безмыслия и невмешательства в поток образов и внешних событий в дзэн-буддизме и даосизме). Но Хаксли осознавал, что и этот второй путь также противоречит стилю жизни цивилизованного Запада.

Хаксли надеялся, что когда-нибудь психологи получат экспериментальные данные, объясняющие процесс медитации и действие упражнений, направленных на контроль сознания. Он сам изучал и практиковал различные психотехники и на собственном примере понимал, какие колоссальные трудности приходится преодолевать даже подготовленному западному сознанию — чего же ожидать от обыкновенного человека? Его главный совет: прежде, чем устремиться к трансцендентному, предпринять «путешествие в Страну Востока», человеку следует сначала стать полноценной личностью, здоровой физически и психически, полностью осознающей себя и окружающий мир, понимающей свои истинные цели. Кратчайший путь к себе для человека Запада — это даже не обретение адекватной жизненной философии через чтение и образование, а новейшая гуманистическая психотерапия. Пригодится и гипноз.

Гипноз и психотерапия — это западные продукты, а не экзотические плоды. Островитяне не учат Уилла Фарнеби тантризму и йоге, а лечат его с помощью эриксоновского гипноза и гештальт-терапевтических приемов¹⁰. Они говорят с ним так, словно они не буддисты и йогины, а ученики Эриха Фромма, Карла Роджерса и Абрахама Маслоу. Дело вовсе не в том, что паланезийские целители решили, что так будет лучше для больного, а в том, что и сами они — продукт межкультурного взаимодействия.

Искусственность той экзотики, что изобразил Хаксли в «Острове» ярче всего проступает в сцене, в которой Уилл Фарнеби смотрит спектакль. Но посвящен он отнюдь не жизни Будды, Вишну или, скажем, Шивы. Постановка называется «Эдип на Пале». По существу, ее цель — высмеять фрейдистское толкование истории Эдипа. Но какое дело носителям восточной культуры до Софокла и Эдипова комплекса? Оказывается, неуклюжее театральное действие призвано подтвердить преимущество паланезийского мировоззрения. Излишне говорить, что подлинная восточная мудрость интегральна и самодостаточна и, следовательно, в подобном самоутверждении не нуждается.

Как мы видим, «Остров» — не роман о подлинном Востоке, а фантазия о поисках такого Востока, который не отпугивал бы западных интеллектуалов своей закрытостью и был бы доступен их пониманию и подражанию.

Образы *иного* отчетливо выявляют радикальные изменения во взглядах О. Хаксли на природу человека и общества. Если в «Дивном Новом Мире» картина тупиковой цивилизованности осложнена показом отталкивающей естественности индейской резервации, то тридцать лет спустя в «Острове» писатель предложил привлекательный, хотя и довольно обманчивый образ *естественного*, ибо при более пристальном рассмотрении культура Палы оказывается комбинированным продуктом Востока и Запада.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Huxley A. The New Romanticism // *Complete Essays of Aldous Huxley* / Ed. Robert S. Baker and James Sexton. — Vol. III. — Chicago: Ivan. R. Dee, 2001. — P. 253.

² О том, что «Дивный Новый Мир» является антиамериканским романом, см.: *Golovacheva I. A Perfect Psychology for a Perfect Society // "Nature's Nation" Reconsidered: American Concepts of Nature from Wonder to Ecological Crisis. Abstracts of EAAS Biennial Conference.* — Karl-Franzens-Universität Graz, 2000. — P. 50–51; *Meckier J. Aldous Huxley's American Experience // Aldous Huxley Annual.* — Vol. 1. — 2001. — P. 227–239.

³ Цит. по: D. H. Lawrence of New Mexico / Ed. Sagar K. — Salt Lake City: Peregrine Smith, 1982. — P. 31. С годами дружба Д. Г. Лоуренса и О. Хаксли становилась все крепче. В 1930 г. Лоуренс умер на руках у Олдоса и Марии Хаксли. Будущий автор «Дивного Нового Мира» стал «литературным душеприказчиком» Лоуренса — ему предстояло опубликовать его письма, предпослав им собственное предисловие, что и было сделано. Великолепные описания Нью-Мексико и индейских поселений Хаксли мог прочитать в том числе и в этой корреспонденции. Супруги Хаксли добрались до Нью-Мексико лишь в 1937 г. Что до влияния «индейских» произведений Лоуренса, таких, как *Quetzalcoatl* (1923), *The Woman Who Rode Away* (1924) и *The Plumed Serpent* (1926), на образы индейцев в утопии Хаксли — это тема для отдельного исследования.

⁴ Harry Ransom Humanities Research Center, The University of Texas at Austin. Huxley's Letter to Mary Hutchinson. 6 January, 1926. Цит. по: *Murray N. Aldous Huxley: A Biography.* — N. Y.: St. Martin's Press, 2003. — P. 177.

⁵ New York Public Library. Huxley's Letter to H. L. Mencken. 5 May, 1926. Цит. по: *Murray N. Op. cit.* — P. 181.

⁶ Наряду с каноническими текстами махаяна-, дзен- и чань-буддизма, а также даосизма самое большое влияние на Хаксли оказали труды *Suzuki D. The Zen Doctrine of No-Mind: The Significance of the Sutra of Hui-Neng (Wei-Lang).* — London: Rider and Co, 1969; *Watts A. Behold the Spirit: A Study in the Necessity of Mystical Religion.* — N. Y.: Pantheon Books, 1947; *Herrigel E. Zen in the Art of Archery.* — N. Y.: Pantheon, 1953; *Coster G. Yoga and the Western Psychology: A Comparison.* — Oxford University Press, 1934. Сам Хаксли посвятил восточным учениям освобождения немало статей. См, например, «Семь медитаций», «Заметки о дзене», «Символ и непосредственный опыт» и др. в: *Huxley and God* / Ed. J. H. Bridgeman. — N. Y.: The Crossroad Publishing Company, 2003.

⁷ *The Secret of the Golden Flower: a Chinese Book of Life* / Translated and explained by R. Wilhelm; with a European commentary by C. G. Jung. — N. Y.: Harcourt, Brace, 1931. — P. 128.

⁸ *Юнг К. Г. Йога и Запад // Юнг К. Г. Архетип и символ.* — М.: Ренессанс, 1991. — С. 228.

⁹ А. Уоттс совершенно точно, на наш взгляд, указал точки соприкосновения психотерапии и учений освобождения, отметив, однако, и те трудности, что связаны с «экспортом» учений освобождения, целиком интегрированных в национальные культуры: «Считается, что эти дисциплины можно экспортировать, как тюки с рисом или чаем, и что буддизм может быть «освоен» где угодно и в любое время, как бейсбол» (*Уоттс А. Психотерапия. Восток и Запад.* — Львов: Инициатива, 1997. — С. 46).

¹⁰ В 1950-е гг. О. Хаксли проводил опыты гипноза совместно с Милтоном Эриксоном. Хаксли описал эти эксперименты, но, к сожалению, эти записи погибли во время пожара. Однако Эриксон написал об этом статью: *Erickson M. A Special Inquiry with Aldous Huxley into the Nature of Hypnosis and Suggestion // American Journal of Clinical Psychiatry.* — July, 1961. — Issue 8. — P. 14–33.

Что касается гештальт-терапевтических увлечений Хаксли, то этой теме посвящена, например, наша статья «Последний роман Олдоса Хаксли» // *Вопросы филологии.* — СПб., 1997. — С. 144–150. Более подробно эти аспекты научных изысканий писателя освещены в главе, посвященной психологии, в нашей монографии «Наука и литература: Археология научного знания Олдоса Хаксли» (в печати в Издательстве СПбГУ).